

ВВЕДЕНИЕ В ПОСТКЕЙНСИАНОСТВО

И. В. Розмаинский

Санкт-Петербургский филиал Государственного
Университета – Высшей школы экономики

irozmain@yandex.ru

В статье рассматриваются базовые аспекты посткейнсианской теории. Автор разбирает специфику посткейнсианского подхода к сравнительному анализу экономических систем. Этот подход базируется на идее, что одна из важнейших целей человеческого поведения состоит в избегании неопределенности. На основании этого принципа посткейнсианцы объясняют макроэкономическую нестабильность, в частности, деловые циклы и инфляцию.

Ключевые слова: посткейнсианство, неопределенность, финансовая хрупкость, эндогенные деньги, выбор активов длительного пользования, инфляция, обусловленная конфликтами

Многими в научном мире (как российском, так и зарубежном) посткейнсианская теория¹ воспринимается просто как одна из ветвей кейнсианского подхода к макроэкономическому анализу, в частности, как школа, дающая особую трактовку роли совокупного спроса и специфическое обоснование дискреционной макроэкономической политики. В данной статье мы попытаемся показать, что посткейнсианская теория – нечто более фундаментальное. Это теория, которая вполне может стать жизнеспособной альтернативой доминирующей в экономической науке неоклассической парадигме². Для обоснования данного тезиса мы рассмотрим некоторые базовые аспекты посткейнсианского подхода.

¹ Иногда это течение называют «монетарным (пост)кейнсианством», подробнее о значении термина «посткейнсианство» и специфике нашей трактовки указанного термина см. *Розмаинский И.В.* Посткейнсианская макроэкономика: основные аспекты // Вопросы экономики. – № 5. – 2006. – С. 19 – 31.

² Особенно если синтезировать ее с лучшими достижениями традиционных институционалистов, см. *Розмаинский И. В.* Посткейнсианство + традиционный институционализм = целостная реалистичная экономическая теория XXI века // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 1 (№ 3). – 2003. – С. 28 – 35.

Понятие неопределенности

Ключевое понятие в посткейнсианской традиции – неопределенность (точно так же, как, например, у неонституционалистов – транзакционные издержки, а в неоэволюционной теории – зависимость от предшествующей траектории развития [path dependence]). Именно акцент на неопределенности будущего отделяет посткейнсианство не только, скажем, от неоклассического или неонституционального подходов, но и от различных ветвей кейнсианского «древа».

Вообще говоря, *неопределенность* будущего означает, что мы не можем предсказать будущие результаты нашего выбора даже при помощи вероятностных распределений, поскольку у нас нет научной основы для вычисления соответствующих вероятностей. По этому поводу Дж. М. Кейнс писал следующее: «... под «неопределенным» знанием я не имею в виду просто разграничение между тем, что известно наверняка, и тем, что лишь вероятно. В этом смысле игра в рулетку или выигрыш в лотерею не является примером неопределенности; ожидаемая продолжительность жизни также является лишь в незначительно степени неопределенной. ...

Я употребляю этот термин в том смысле, в каком неопределенными являются перспектива войны в Европе, или цена на медь и ставка процента через двадцать лет, или устаревание нового изобретения, или положение владельцев частного богатства в социальной системе 1970 года. Не существует научной основы для вычисления какой-либо вероятности этих событий. Мы этого просто не знаем^{3,4}. Мы не знаем ни количества возможных исходов, ни вероятностей наступления каждого из них.

В этом плане неопределенность отличается от *риска*, при котором будущее *можно* описать при помощи вероятностных распределений, поскольку известны и количества исходов, и вероятности наступления каждого из них. Здесь сразу следует оговориться, что в неоклассической традиции различие между риском и неопределенностью игнорируется, и эти термины обычно используются в качестве синонимов, как, например, в теории ожидаемой полезности. Естественно, посткейнсианцы ни в коем случае не могут согласиться с таким смешением понятием, которое сразу же уничтожает уникальность их подхода.

При этом неопределенность будущего, в свою очередь, бывает двух типов; первый тип – *фундаментальная неопределенность* [*fundamental uncertainty*], – и второй тип – *неясность* [*ambiguity*]⁵. При *неясности* будущее неопределенно, но познаваемо. Иными сло-

³ Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости / Дж. М. Кейнс // Истоки. – 1998. – Вып. 3. – С. 284.

⁴ Впервые идея о разграничении между неопределенностью и риском была выдвинута Фрэнком Найтом еще в 1921 году в его знаменитой книге «Риск, неопределенность и прибыль» [42]. Из этих рассуждений можно прийти к выводу о невозможности оптимизации в условиях неопределенности. См. Розманский И.В. «Посткейнсианская модель человека» и хозяйственное поведение россиян в 1990-е годы // Эконом. вест. Рост. гос. ун-та. – 2005. – Т. 3, № 1. – С. 62–73.

⁵ Dequech, D. Fundamental Uncertainty and Ambiguity / D. Dequech // Eastern Economic Journal. – 2000. – Vol. 26, № 1. – P. 41–60.

вами, неясность представляет собой ту форму неопределенности, которую исследовали, например, представители австрийской школы. Каждый в отдельности хозяйствующий субъект, в том числе и государство, почти ничего не знает о знаниях, предпочтениях и ожиданиях прочих хозяйствующих субъектов. Но рынок в целом собирает всю эту информацию воедино и генерирует верные решения. Поэтому государство никогда не сможет прийти к таким же «хорошим» результатам, к которым приходит рынок. Но, в принципе, информацию, которую собирает и обрабатывает рыночная система, заполучить можно, просто ценой экстремально высоких издержек.

Фундаментальная неопределенность означает не только отсутствие знаний о будущем, но и его *непознаваемость*. Эта непознаваемость связана с тем, что значительная часть нужной информации *еще не создана*. Таким образом, между настоящим и будущим (а также прошлым) возникают фундаментальные *онтологические* различия, и в этом – одно из базовых отличий посткейнсианства от неоклассического подхода (см. ^{6,7,8,9,10,11}).

⁶ Розманский, И.В. «Посткейнсианская модель человека» и хозяйственное поведение россиян в 1990-е годы / И.В. Розманский // Эконом. вест. Рост. гос. ун-та. – 2005. – Т. 3, № 1. – С. 62–73.

⁷ Arestis, P. Post-Keynesian Economics: Towards Coherence / P. Arestis // Cambridge Journal of Economics. – 1996. – Vol. 20, № 1. – P. 111–135.

⁸ Carvalho, F.J. C. Mr. Keynes and Post Keynesians. Principles of Macroeconomics for a Monetary Production Economy / Carvalho F.J. C. – Aldershot : Edward Elgar, 1992.

⁹ Davidson, P. Reality and Economic Theory / P. Davidson // Journal of Post Keynesian Economics. – 1996. – Vol. 18, № 4. – P. 479–508.

¹⁰ Dequech, D. Asset Choice, Liquidity Preference and Rationality under Uncertainty / D. Dequech // J. of Economic Issues. – 2000. – Vol. 34, № 1. – P. 159–176.

¹¹ Shackle, G.L. S. Expectations and Employment / G.L. S. Shackle // Economic Journal. – 1939. – Vol. 49, Sept. – P. 442–452.

Согласно неоклассикам, экономическая среда характеризуется *эргодичностью*. Этот термин означает, что в такой среде прошлое, настоящее и будущее могут быть описаны одной и той же функцией вероятностных распределений. По сути, время сводится к пространству, в том смысле, что возможны движения из одного состояния времени (места пространства) в другое в любых направлениях. Отсюда следует, в частности, что, во-первых, прошлое не сковывает людей тяжкими оковами необратимости. Во-вторых, люди могут предсказывать будущее либо достоверно, либо используя методы теории вероятности.

Ясно, что для посткейнсианцев такой подход неприемлем. Они полагают, что будущее радикально отличается от настоящего и прошлого, а движение во времени возможно только в одном направлении. Иными словами, посткейнсианцы исходят из *принципа исторического времени*, согласно которому *прошлое необратимо, а будущее неопределенно*. Именно в историческом времени движется экономическая среда, характеризующаяся *неэргодичностью*, т. е. онтологическими различиями между прошлым, настоящим и будущим¹².

Таким образом, неопределенность – это характеристика неэргодичной экономической среды. Следует отметить, что не всякая экономическая система неэргодична и, соответственно, не всякая экономическая система характеризуется неопределенностью. Посткейнсианцев интересуют только системы, неотъемлемым свойством которых является неопределенность. Здесь сразу же можно легко увидеть, что интересы посткейнсианцев уже, чем, например, у неоклассиков. Однако эта узость является

¹² Со всеми этими рассуждениями, кстати говоря, связано и характерное для большинства посткейнсианцев отрицательное отношение к гипотезе рациональных ожиданий. В условиях неопределенности практически невозможно сформировать рациональные ожидания, так как необходимые для этого знания отсутствуют.

скорее плюсом, чем минусом. Чтобы в этом глубже разобраться, необходимо выяснить *причины* появления и доминирования неопределенности в экономической среде. Почему одним экономическим системам неопределенность присуща, а другим – нет?

Понятие сложной экономической системы

В самом общем плане можно сказать, что неопределенность представляет собой продукт развития – экономического, технологического, социального. И далее мы постараемся детально разъяснить этот тезис. Неопределенность представляет собой проблему «сложной (экономической) системы», «сложного общества». Под «сложностью» мы имеем в виду два аспекта. Во-первых, применение в производстве активов длительного пользования, вследствие чего производственная и вообще хозяйственная деятельность оказывается «растянутой» во времени. Как писал Дж. М. Кейнс: «Именно из-за существования оборудования с длительным сроком службы в области экономики будущее связано с настоящим»¹³. Во-вторых, высокую степень специализации людей и, соответственно, большую глубину разделения труда, вследствие чего люди оказываются тесно взаимосвязанными между собой. Именно совокупность этих двух свойств и представляет собой фундаментальную характеристику *сложной экономической системы*.

Даже поверхностный экскурс в такие дисциплины, как экономическая история или сравнительный анализ экономических систем, показывает, что далеко не все существовавшие за историю человечества экономические системы можно назвать «сложными». Если использовать марксистскую и околomarксистскую терминологию, то

¹³ Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М.: Прогресс, 1978. – С. 210.

первобытнообщинный строй, азиатский способ производства, экономика античного рабства, западноевропейский феодализм будут представлять собой примеры «несложных», примитивных систем (здесь и далее под *примитивной экономической системой* мы будем понимать систему, в которой отсутствует хотя бы одно из двух вышеописанных свойств). Если же использовать терминологию из неоклассических учебников по экономике, то примером примитивной системы будет «традиционная экономика». В общем, оба свойства, превращающих экономическую систему в «сложную», являются продуктом экономического, социального и технологического развития.

Рассмотрим первое свойство – применение в производстве активов длительного пользования. Здесь подразумеваются, в первую очередь, различные элементы машинного оборудования. Ясно, что существование машинного производства – признак развитости, причем не только технологической (что само собой разумеется). Ведь внедрение машин в производственную деятельность возможно только при определенных социальных институтах.

Примерно то же самое можно сказать и о втором свойстве. Большая глубина разделения труда достигается только тогда, когда навыки людей в определенных областях достигают определенных уровней технического совершенства, и, при этом, когда соответствующие социальные институты обеспечивают их специализацию. Разделение труда, как и машинное производство, возможно лишь при определенных институтах.

Крайне важен тот аспект, что *любая сложная экономическая система сталкивается с необходимостью координации хозяйственной деятельности в условиях необратимости прошлого и неопределенности будущего*. При этом такая проблема присуща *только* сложной системе. В хозяйстве, в котором степень разделения труда низка, и каждый производит только для себя, *не существует*

неизбежной экономической взаимосвязанности между людьми, и проблемы координации вообще не возникает (исключение из этого правила рассматривается в сноске 9). В хозяйстве, в котором производство не требует времени, но глубина разделения труда велика, проблема координации возникает, но решается приблизительно так, как описывается в вальрасианских моделях общего равновесия. Ведь в экономике без активов длительного пользования *хозяйственная деятельность не приобретает временного измерения и, соответственно, проблем необратимости прошлого и неопределенности будущего не существует*. Поэтому *нащупывание* [tatonnement]¹⁴ равновесного вектора относительных цен, удовлетворяющего всех агентов, не влечет за собой издержек (по крайней мере, таких, которые могли бы иметь место в реальной жизни современного мира).

Именно подобные разновидности «товарообменного хозяйства» или, как писал Дж. М. Кейнс¹⁵, *экономика реального обмена* [Real Exchange Economy], находятся в центре внимания представителей неоклассической теории. Один из основных пунктов посткейнсианской критики в адрес неоклассической теории заключается в том, что эта теория уподобляет экономику современных развитых стран примитивным хозяйственным системам. Иными словами, неоклассический подход осуждается посткейнсианцами за непонимание фундаментальных различий между примитивными и сложными экономическими системами. Ведь, как уже было сказано выше, только в сложной системе возникает необходимость координации хозяйственной деятельности в условиях необратимости прошлого и неопределенности будущего. Данное обстоятельство требует фундаментального институционального выбора,

¹⁴ Термин, введенный Л. Вальрасом для описания поиска равновесного вектора цен мифическим координатором рынков – Лукционщиком.

¹⁵ Keynes, J. M. A Monetary Theory of Production / J. M. Keynes // The Collected Writings of John Maynard Keynes / Ed. by D. Moggridge. – London : Macmillan, 1973. – Vol. XIII. – P. 408–411.

определяющего, как люди решают проблему неопределенности. Здесь мы сталкиваемся с посткейнсианским подходом к сравнительному анализу экономических систем. По словам С. Руссиса: «То, как мы справляемся с неопределенностью [cope with uncertainty], определяет систему, при которой мы живем»¹⁶. Иными словами, посткейнсианцев интересует то, как люди «справляются с неопределенностью» в сложных экономических системах. При этом различные «сложные общества» сформировали разные институты для того, чтобы «справляться с неопределенностью». Те институты, которые были сформированы «на Западе», образовали особую разновидность сложной системы, которая является *основным* «предметом интереса» посткейнсианцев. Речь идет о денежной экономике.

Понятие денежной экономики

Понятие *денежной экономики* [Monetary Economy] предложил Дж. М. Кейнс в одной из своих статей, опубликованных до издания его «Общей теории занятости, процента и денег».¹⁷ В такой экономике, как он отмечал, «... деньги играют свою особую самостоятельную роль, они влияют на мотивы поведения, на принимаемые решения... и потому невозможно предвидеть ход событий ни на короткий, ни на продолжительный срок, если не понимать того, что будет происходить с деньгами на протяжении рассматриваемого периода»¹⁸. Денежная эконо-

мика, по Дж. М. Кейнсу, является метафорой современных экономических систем западных стран и при этом функционирует совершенно не так, как экономика реального обмена. К сожалению, ни Дж. М. Кейнс, ни его последователи не ставили вопрос о происхождении денежной экономики.

Мы полагаем, что денежная экономика возникает вследствие конкретного институционального выбора, совершаемого тогда, когда экономическая система становится сложной. Иными словами, *денежная экономика – это продукт институционального развития сложной экономической системы*.

Важнейший институт денежной экономики – *форвардные контракты*. Контракты обеспечивают определенные гарантии, касающиеся будущих материальных и денежных потоков. Как отмечал С. Руссис: «они [контракты] являются формой контроля над заработной платой и ценами, который конвертирует неопределенность в относительную определенность, не средством вероятностного анализа, ...но достигая во времени... гарантирования будущих цен и издержек»¹⁹. Согласно Я. Кригелю, «... как природа не терпит пустоты, так и экономическая система не терпит неопределенности. Она реагирует на отсутствие информации, которую рынок не в состоянии обеспечить, созданием институтов, уменьшающих степень неопределенности: контрактов о заработной плате, контрактов на ссуды, соглашений о поставках, торговых соглашений»²⁰. Таким образом, контракты – способ снижения степени неопределенности будущего. Иными словами, форвардные контракты как бы упорядочивают хозяйственную деятельность, имеющую временную протяженность.

Для того чтобы система форвардных контрактов функционировала бесперебойно, не-

¹⁶ Rousseas, S. Post Keynesian Monetary Economics / S. Rousseas. – 3rd Edition. – London : Macmillan, 1998. – P. 17.

¹⁷ Речь идет о статье, изданной в 1933 году на немецком языке и впервые перепечатанной на английском языке в начале 1960-х годов под названием «A Monetary Theory of Production». Ее можно найти в тринадцатом томе собрания сочинений Дж. М. Кейнса.

¹⁸ Keynes, J.M. A Monetary Theory of Production / Keynes J.M. // The Collected Writings of John Maynard Keynes / Ed. by Moggridge D. – London : Macmillan. – 1973. – Vol. XIII. – P. 408.

¹⁹ Rousseas, S. Post Keynesian Monetary Economics / S. Rousseas. – 3rd Edition. – London : Macmillan, 1998. – P. 23.

²⁰ Kregel, J. A. Markets and Institutions as Features of a Capitalistic Production Process / J.A. Kregel // Journal of Post Keynesian Economics. – 1980. – Vol. 3, № 1. – P. 46.

обходим другой институт — *деньги*. Деньги в посткейнсианской традиции понимаются как *средство соизмерения контрактных обязательств* и как *средство их выполнения*. Таким образом, деньги в денежной экономике представляют собой не просто «средство обращения» или «всеобщий эквивалент», а, как отмечал Дж. М. Кейнс в своем «Трактате о деньгах», «... то, чем выплачиваются долговые и ценовые контракты [debt and price contracts] и в чем удерживается запас общей покупательной способности»²¹. По меткому замечанию Ф. Карвальо, в денежной экономике контракты — грамматика, а деньги — язык²². При этом сама денежная экономика понимается как «экономика, основанная на системе форвардных контрактов»²³. Мы вернемся к этому утверждению чуть ниже.

Еще один институт, без которого невозможно существование денежной экономики — *государство как орган, выполняющий функцию защиты форвардных контрактов*. Главная функция государства, по мнению посткейнсианцев, состоит вовсе не в устранении негативных экстерналий, не в борьбе с монополиями, и даже не в дискреционной макроэкономической политике, а в том, что оно обеспечивает принуждение к выполнению [enforcement] контрактных обязательств. Неспособность или нежелание государства выполнять эту функцию — то, что было когда-то названо нами *институциональной неадекватностью государства*²⁴, — резко увеличивает степень неопределенности будущего и ставит под угрозу само существование денежной экономики. Ведь

институциональная неадекватность государства подрывает доверие к контрактам, вследствие чего большинство людей будет избегать их заключать. Соответственно, будет разрушаться сама основа денежной экономики — система форвардных контрактов!

Итак, денежная экономика — это сложная экономическая система, которая базируется на использовании форвардных контрактов, урегулируемых посредством использования денег как актива длительного пользования и защищаемых государством. Именно институциональный выбор форвардных контрактов в качестве основного способа упорядочения и координации хозяйственной деятельности (вместе с деньгами и государством как институтов, «обслуживающих») функционирование системы контрактов) *создает денежную экономику*.

В связи с этим тезисом необходимо отметить следующее. Если государство не выполняет свою функцию «защиты контрактов» [enforcement], будучи «институционально неадекватным», или если деньги по каким-либо причинам не могут использоваться для урегулирования контрактных обязательств, то результатом будет резкое повышение степени неопределенности будущего вместе с крайне неблагоприятными макроэкономическими последствиями. При этом такую экономическую систему нельзя называть «денежной экономикой», поскольку она *не основана* на использовании форвардных контрактов (они не будут использоваться, если нет актива, который мог бы их «погашать», и нет органа, который бы обеспечивал принуждение к их выполнению). Возможно, самый напрашивающийся пример — экономика России 1990-х годов (см.²⁵ и др.).

²¹ Keynes, J.M. A Treatise on Money / J.M. Keynes. — London : Macmillan, 1930. — Vol. I. — P. 3.

²² Carvalho, F. J. C. Mr. Keynes and Post Keynesians / Carvalho F. J. C. // Principles of Macroeconomics for a Monetary Production Economy. — Aldershot : Edward Elgar, 1992. — P. 102.

²³ Там же.

²⁴ Малкина, М. Ю., Розмаинский, И. В. Основы институционального подхода к анализу роли государства / М. Ю. Малкина, И. В. Розмаинский // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / под ред. Р. М. Нуреева. — М. : Изд-во МОНФ, 2001. — С. 554–577.

²⁵ Розмаинский, И. В. Соотношение между денежной и бартерной экономикой: институционалисты и посткейнсианцы против неоклассиков / И. В. Розмаинский // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / под ред. Р. М. Нуреева. — М.: Изд-во МОНФ, 2001. — С. 427 – 446.

Из всего этого следует, что денежная экономика и экономика, использующая деньги, – не одно и то же! Хозяйство, в котором деньги выполняют лишь функцию мимолетного посредника при заключении сделок и не являются активом длительного пользования, не может считаться денежной экономикой. Подробнее об этом речь пойдет в следующем разделе.

«Сравнительный анализ терминологии»: денежная экономика, рыночная экономика, капитализм

Обычно посткейнсианцы предпочитают использовать термин «денежная экономика» вместо термина «рыночная экономика». Это связано с тем, что второй из этих терминов имеет более широкий смысл. Иными словами, любая денежная экономика является рыночной, но не всякая рыночная экономика является денежной²⁶. Именно «неденежные» рыночные экономики, по сути, исследуются в многочисленных неоклассических моделях. Речь идет как раз о том, что, как уже упоминалось, Дж. М. Кейнс называл «экономикой реального обмена». Такая экономика не обязательно является бартерной. Она может использовать деньги, как было сказано чуть выше, в качестве мимолетного посредника при заключении сделок. Для того чтобы деньги были полноценным средством накопления и, следовательно, «привлекательным» активом длительного пользования, необходим факт их применения для

урегулирования каких-либо долгосрочных отношений между хозяйствующими субъектами. Именно этот факт и наблюдается в развитых странах Запада, что позволяет считать экономики указанных стран денежными. Денежная экономика – это слепок с основных технологических и институциональных характеристик таких стран. В такой экономике хозяйственная деятельность предполагает разнообразные «проекты» – производственные, инвестиционные, финансовые и т. д. – занимающие большой промежуток времени (вспомним о применении в производстве активов длительного пользования) и требующие участия большого количества людей, обладающих разными навыками (вспомним о большой глубине разделения труда). Отсюда вышерассмотренная необходимость в контрактах, деньгах, государстве. Но не всякая рыночная экономика основана на вовлечении *большого* числа людей с *разными* навыками в *разнообразные* и *долгосрочные* проекты²⁷. Если та или иная рыночная система не предполагает подобного вовлечения, то она не будет денежной, даже если в ней используются деньги при соверше-

²⁶ То, что говорится здесь и далее, вряд ли можно отнести к постсоветской экономике России, которую, как нам представляется, вряд ли в полной мере можно считать как рыночной, так и (в посткейнсианском смысле) «денежной». Мы неоднократно высказывали точку зрения, согласно которой в России в первое десятилетие постсоветского периода сформировался семейно-клановый капитализм (см. также последний раздел данной статьи).

²⁷ Кстати говоря, экономические системы «азиатского способа производства» (или, если использовать близкий виттфогелевский термин «гидравлические общества») представляют собой пример вовлечения большого числа людей с приблизительно *одинаковыми* навыками в долгосрочные проекты, которые, грубо говоря, *не отличаются разнообразием*. Необходимость подобных объединений хозяйствующих субъектов диктуется природно-географическими и/или климатическими и/или геополитическими факторами, порождающими взаимосвязанность людей. В таких системах (с низкой степенью разделения труда) для решения проблемы координации институты типа контрактов и денег не нужны и, возможно, даже бесполезны, в отличие от «сильной» государственной власти. К этому тезису нас подвели дискуссии с А. С. Скоробогатовым, который придает большое значение зависимости «характера» институтов от географических (в широком смысле этого слова) факторов.

нии обменных операций. Повторим еще раз, именно такие рыночные, но «неденежные», экономики исследовались и исследуются неоклассиками. Поэтому не удивительно, что нередко у самых известных представителей неоклассического подхода встречаются поразительные высказывания о незначительности денег.

По мнению И. Фишера, внесшего значительный вклад в неоклассический подход к теории денег (ему, как известно, приписывается авторство формулы уравнения обмена), «деньги никогда не приносят других выгод, кроме создания удобств для обмена»²⁸. Известный оппонент Дж. М. Кейнса Д. Робертсон отмечал, что «деньги не представляют собой жизненно важной темы, как приходится иногда слышать... Для исследователя необходимо с самого начала прорвать денежную вуаль, которая окутывает большинство деловых операций, и посмотреть, что происходит в сфере обращения реальных товаров и услуг...»²⁹. Особенно показательно в этом плане высказывание М. Фридмана, лидера монетаризма: «Несмотря на то, что в существующей хозяйственной системе предпринимательская деятельность и деньги играют важную роль, и несмотря на то, что их существование порождает многочисленные и сложные проблемы, основные методы, с помощью которых рынок обеспечивает координацию в рамках всего хозяйства, полностью проявляются в экономике, в которой господствует натуральный обмен и в которой отсутствуют предпринимательская деятельность и деньги»³⁰. Как уже, наверное, ясно, для посткейнсианцев такая позиция не приемлема. Здесь мы можем видеть, возможно, основное

отличие посткейнсианского подхода к экономическому анализу от неоклассического. Примитивная экономическая система, характеризующаяся эргодичностью, функционирует иначе, чем сложная экономическая система, отличающаяся неэргодичностью, несмотря на наличие в обеих системах рыночной координации. Такова позиция представителей посткейнсианской школы.

Термин «капитализм» употребляется посткейнсианцами чаще, хотя, как правило, они не дают ему четкого определения. Но общий «контекст» посткейнсианских рассуждений^{31,32} указывает на то, что *капитализм предполагает частную собственность на производственные активы длительного пользования и прибыльность ведения хозяйственной деятельности как ее ведущий мотив*. Можно сказать и так: *капитализм – это экономическая система, основанная на том, что активы длительного пользования приносят доход*. Такие определения в принципе не противоречат вышеприведенному анализу денежной экономики. Точнее говоря, посткейнсианские трактовки капитализма и денежной экономики – это взаимодополняющие описания экономической системы конкретного типа. Мы имеем в виду следующее. С одной стороны, частная собственность на производственные активы длительного пользования и их употребление в целях получения прибыли, сигнализирующей о социальной значимости того или иного «хозяйственного проекта», *требуют* применения форвардных контрактов, денег и «институциональной» роли государства (как защитника контрактов). С другой стороны, долгосрочные контракты и деньги как средство их урегулирования не нужны, если нет частной

²⁸ Фишер, И. Покупательная сила денег / И. Фишер. – М., 1926. – С. 9.

²⁹ Robertson, D. Money. / D. Robertson. – London: Macmillan, 1922. – P. 1.

³⁰ Friedman, M. Capitalism and Freedom / M. Friedman. – Chicago: Chicago University Press, 1962. – P. 14.

³¹ Rogers, C. Money, Interest and Capital / C. Rogers // A Study in the Foundations of Monetary Theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – P. 165 – 167.

³² Rousseas, S. Post Keynesian Monetary Economics / S. Rousseas. – 3rd Edition. – London : Macmillan, 1998. – P. 22–24.

собственности на производственные активы длительного пользования, а прибыль не играет стимулирующей, финансовой и координирующей роли в хозяйстве. Поэтому можно утверждать, что денежная экономика — это экономическая система рыночного капитализма, если термин «капитализм» понимается в вышеописанном смысле.

Здесь сразу нужно подчеркнуть: когда при определении капитализма речь идет о частной собственности, подразумевается *собственность именно на производственные активы длительного пользования, а не просто на средства производства*. Если производственная деятельность не растянута во времени, то наличие частной собственности на средства производства еще не дает оснований для разговоров о капитализме. Именно сочетание частной собственности на средства производства и технологической развитости приводит к возникновению капиталистической системы хозяйствования.

Деловые циклы как следствие выбора активов длительного пользования при неопределенности в денежной экономике

Как уже отмечалось, использование контрактов, денег и государства снижает степень неопределенности будущего в сложной экономической системе, создавая денежную экономику. Однако неопределенность полностью не устраняется^{33,34}. Она охватывает, прежде всего, денежные поступления производителей товаров и

³³ Скоробогатов, А.С. Макроэкономическая роль институтов: от онтологической неопределенности к концепции делового цикла / А.С. Скоробогатов // Эконом. вест. Ростов. гос. ун-та. — 2005. — Т. 3, № 2. — С. 83–95.

³⁴ Скоробогатов, А.С. Институты как фактор порядка и как источник хаоса: институционально-посткейнсианский анализ / А.С. Скоробогатов // Вопр. экономики. — 2006. — № 8. — С. 102–118.

услуг³⁵. Это обстоятельство и связанные с ним попытки хозяйствующих субъектов снизить степень неопределенности порождают серьезные проблемы, с которыми сталкивается денежная экономика и которые исследуются посткейнсианской традицией³⁶. Одной из важнейших проблем являются деловые циклы.

Циклические колебания экономической активности (т. е. совокупного выпуска или реального национального дохода) порождаются, с их точки зрения, изменениями в «выборе активов длительного пользования» — главным образом элементов основного капитала и высоколиквидных активов (денег и их заменителей)³⁷. При прочих равных условиях увеличение спроса на капитальные блага (уменьшение спроса на деньги) приводит к подъему и буму в экономике, тогда как уменьшение спроса на них (увеличение спроса на деньги) вызывает спад и депрессию. Выбор активов длительного пользования определяется, прежде всего, ожиданиями будущих доходов и степенью уверенности в этих ожиданиях. Данные психологические факторы как раз и влияют на q и l , т. е. на главные составляющие «собственных норм процента» активов длительного пользования. Повышение степени оптимизма и/или уверенности приводит к увеличению q и снижению потребности в ликвидных активах, а значит, к

³⁵ Розмайнский, И. В. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход / И.В. Розмайнский // Вопр. экономики. — 2009. — № 6. — С. 48–59.

³⁶ Мы не претендуем здесь на всю полноту охвата исследовательских проблем, интересующих посткейнсианцев, и выделяем лишь самые основные из них, касающиеся макроэкономической нестабильности (циклов и инфляции). Например, мы не рассматриваем здесь теории экономического роста, потребительского поведения, фирмы, ценообразования, рынка труда.

³⁷ Розмайнский, И.В. «Посткейнсианская модель человека» и хозяйственное поведение россиян в 1990-е годы / И.В. Розмайнский // Эконом. вест. Ростов. гос. ун-та. — 2005. — Т. 3, № 1. — С. 62–73.

уменьшению l . В экономике наступает стадия циклического оживления деловой активности. Противоположное воздействие оказывают распространение пессимистических настроений и/или неуверенность в будущем³⁸.

Добавим, что некоторые посткейнсианцы и, прежде всего Л. Р. Рэй³⁹, заметили, что свойство нулевой эластичности производства денег «действует» только в мире товарных или бумажных денег. В экономике, где преобладают кредитные деньги, данное свойство в чистом виде не соблюдается (поскольку коммерческие банки могут увеличить предложение денег при повышении спроса на них), но сохраняется в модифицированной форме. Дело в том, что кредитные деньги характеризуются нулевой трудоемкостью: увеличение их предложения не связано с привлечением дополнительных трудовых ресурсов. Кроме того, как подчеркивает тот же Л. Р. Рэй, предложение кредитных денег является обратной функцией предпочтения ликвидности коммерческих банков. Иными словами, когда потребность банков в ликвидности высока, они ограничивают предложение денег. Ясно, что предпочтение ликвидности будет большим именно в фазе спада. Поэтому в данной фазе предложение кредитных денег будет неэластично по спросу на них.

Концепция эндогенности денежной массы

Рассмотрим более детально, как посткейнсианцы анализируют именно кредитно-денежную экономику. В своей

³⁸ Розманский, И. В. Посткейнсианская макроэкономика: основные аспекты / И.В. Розманский // *Вопр. экономики*. – 2006. – № 5. – С. 19–31.

³⁹ Wray, L.R. Review of Post Keynesian Monetary Theory by Paul Davidson (Edward Elgar, 1994) / L.R. Wray // *Review of Political Economy*. – 1995. – Vol. 7, № 4. – P. 470–477.

«Общей теории...» (но не в менее известных работах, таких, как второй том изданного в 1930 году «Трактата о деньгах»⁴⁰ и статьи, опубликованные в *Экономическом журнале* в 1937^{41,42} и 1939 годах⁴³) Дж. М. Кейнс считал денежную массу экзогенной. Иными словами, он предполагал, что количество денег в экономике контролируется центральным банком. В этом отношении его подход ничем не отличался от неоклассической макроэкономической традиции, включая ее современные ветви – монетаризм и «новую классическую» школу.

Посткейнсианство представляет собой, пожалуй, первую макроэкономическую теорию⁴⁴, в рамках которой была отвергнута идея о том, что денежная масса определяется действиями сил, внешних по отношению к частному сектору, например центральным банком. По мнению посткейнсианцев, *предложение денег в современном рыночном хозяйстве формируется эндогенно*, т. е. создается внутри экономики за счет взаимодействий субъектов частного сектора, прежде всего промышленных корпораций и коммерческих банков. Дело в том, что «в капиталистической экономике деньги связаны с процессом создания капитальных активов и контроля

⁴⁰ Keynes, J.M. *A Treatise on Money* / J.M. Keynes. – London : Macmillan, 1930. – Vol. II.

⁴¹ Keynes, J. M. Alternative Theories of the Rate of Interest / J.M. Keynes // *Economic Journal*. – 1937. – Vol. 46, June. – P. 241–252.

⁴² Keynes, J.M. The «Ex-Ante» Theory of the Rate of Interest / J.M. Keynes // *Economic Journal*. – 1937. – Vol. 46., Dec. – P. 663–669.

⁴³ Kregel, J.A. Markets and Institutions as Features of a Capitalistic Production Process / J.A. Kregel // *Journal of Post Keynesian Economics*. – 1980. – Vol. 3, № 1. – P. 32–48.

⁴⁴ Как мы намекнули чуть выше, идею эндогенной денежной массы vol. у Дж. М. Кейнса все же можно найти, но не «на переднем плане». В 1980-е годы к этой идее пришли как бы «с другого входа» сторонники теории реальных деловых циклов.

над ними»⁴⁵. Важно то обстоятельство, что «... создание денег представляет собой часть механизма... выпуска конкретной инвестиционной продукции»⁴⁶. «Таким образом, денежная масса определяется в очень значительной мере внутри экономики, поскольку ее изменения отражают ожидания будущей конъюнктуры со стороны предприятий и банков»⁴⁷. Итак, деньги это актив, который создается внутри кредитно-денежной экономики для приобретения производственного имущества (в первую очередь, основного капитала).

Эндогенизации денежной массы способствуют разнообразные финансовые инновации, осуществляемые коммерческими банками в целях получения желаемой прибыли. Одной из первых подобных инноваций в XX веке было использование сделок с соглашениями об обратном выкупе, которые состоят в продаже долгового обязательства с его последующей покупкой, в результате чего продавец в настоящий момент получает деньги, которые можно выдать в качестве кредита.

Во второй половине XX века в западных странах произошли, в частности, следующие финансовые инновации.

А) *Распространение стратегии управления пассивами*, при которой пассивы формируются (и тем самым увеличиваются) самими банками путем займов на рынке вкладов (тогда как обычно банковские пассивы создаются независимо от банков действиями вкладчиков).

Б) *Секьюритизация*, т. е. конвертация выданных банковских ссуд в ценные бумаги, позволяющая банкам продать последние за деньги и выдать новые кредиты.

В) *Кредитные линии между финансовыми учреждениями*, иными словами, обязательства

одного учреждения выдать кредит другому учреждению по первому требованию.

Все эти аспекты позволили коммерческим банкам избавляться от ограничений центрального банка и создавать деньги путем выдачи новых ссуд даже в отсутствие избыточных резервов (при жесткой денежной политике центрального банка).

Повышению степени эндогенности денежной массы также может способствовать *политика центрального банка как кредитора последней инстанции*. Суть такой политики в том, что центральный банк выдает кредиты коммерческим банкам, оказавшимся под угрозой банкротства вследствие своей неплатежеспособности.

Эндогенность денежной массы играет важную роль в функционировании народного хозяйства, поскольку снижает эффективность денежной политики и увеличивает возможности промышленного сектора, связанные с долговым финансированием своих инвестиций. Это означает, что в экономике с эндогенными деньгами происходит увеличение потенциальной амплитуды деловых циклов.

Деловые циклы как следствие динамики финансовой хрупкости в условиях эндогенности денежной массы в кредитно-денежной экономике

Один из ведущих посткейнсианцев Х. Ф. Мински (1919–1996) в 1970-х годах⁴⁸ выдвинул *гипотезу финансовой хрупкости* (называемую также *гипотезой финансовой нестабильности*), которая до сих пор сохраняет огромное теоретическое и практическое значение.

Суть этой концепции состоит в том, что «капиталистическая экономика порождает такую финансовую структуру, кото-

⁴⁵ Minsky, H.P. *Stabilizing an Unstable Economy*. / H.P. Minsky. – New Haven : Yale University Press, 1986. – P. 223.

⁴⁶ Там же. P. 224.

⁴⁷ Там же. P. 118.

⁴⁸ Minsky, H.P. *Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and An Alternative to «Standard» Theory* / H.P. Minsky // *Nebraska Journal of Economics and Business*. – 1977. – Vol. 16. – P. 5–16.

рая подвержена кризисам»⁴⁹. По мнению Мински, экономическая динамика во многом определяется тем, как предпринимательский сектор финансирует свои инвестиции. Мински выделяет три режима финансирования: обеспеченное финансирование, спекулятивное финансирование и «Понци-финансирование». При *обеспеченном финансировании* текущие денежные поступления достаточны для регулярного погашения суммы долга и процентов по нему. При *спекулятивном финансировании* этих поступлений хватает только на уплату процентов, но их недостаточно для амортизации долга (т. е. выплаты части основной суммы задолженности). Таким образом, для погашения своего долга предпринимательский сектор вынужден брать новые кредиты. Спекулятивное финансирование неизбежно, когда долгосрочные инвестиционные проекты финансируются за счет краткосрочных кредитов. *Понци-финансирование*⁵⁰ характеризуется тем, что текущие денежные поступления не могут обеспечить даже выплату процентов. Это означает, что для периодического погашения кредитов предпринимательский сектор вынужден увеличивать свою задолженность.

В начальной фазе роста делового цикла в экономике преобладает обеспеченное финансирование. С дальнейшим оживлением деловой активности у хозяйствующих субъектов повышается степень уверенности в завтрашнем дне; происходит уменьшение *риска заемщика* (т. е. несклонности фирмы брать в долг из-за опасения оказаться финансово несостоятельной) и *риска кредитора* (несклонности банка давать в долг ввиду

того, что заемщик не сможет его погасить). В результате фирмы переходят на спекулятивное финансирование. Здесь нужно учесть, что рост процентных ставок *неизбежно* трансформирует спекулятивное финансирование в Понци-финансирование.

Подобный переход к более рискованным режимам финансирования (переход, связанный с ростом «побуждения к инвестированию», если говорить словами Дж. М. Кейнса) и процессы эндогенизации денежной массы взаимодействуют друг с другом. Именно повышение спроса фирм на инвестиции обуславливает желание коммерческих банков избавиться от контроля центрального банка посредством финансовых инноваций, которые, как отмечалось выше, как раз и способствуют эндогенизации денег.

Однако переход к спекулятивному и особенно Понци-финансированию усиливает экономическую нестабильность и создает практически неотвратимую угрозу массовых банкротств, вызванных невозможностью погашения долгов. Дело в том, что рано или поздно фирмы, применяющие Понци-финансирование, окажутся не в состоянии получать новые кредиты для погашения прежних долговых обязательств либо из-за уменьшения степени уверенности банкиров, либо из-за общей нехватки финансовых ресурсов в экономике. Фирмы в подобных ситуациях вынуждены прибегать к реализации своих капитальных активов, что сопровождается падением цены спроса на капитальные блага, снижением объема инвестиций и приводит к экономическому кризису.

Таким образом, причина периодических экономических кризисов состоит не только в том, что уменьшается степень уверенности хозяйствующих субъектов в завтрашнем дне (спрос на непродуцируемые ликвидные активы растет, а на производственные неликвидные активы – падает). Помимо этого они обусловлены *систематически возникающей неспособностью предпринима-*

⁴⁹ Там же. Р. 13.

⁵⁰ Этот режим финансирования назван «в честь» бостонского банкира Чарльза Понци, который сразу после Первой мировой войны практиковал в Бостоне финансовые спекуляции, подобные тем, что много десятилетий спустя стали осуществляться в постсоветской России такие финансовые компании, как «МММ».

тельского сектора к погашению своих долгов перед финансовым сектором. Вот почему «именно связь между финансами и инвестициями генерирует нестабильность современной капиталистической экономики»⁵¹.

В начале нового тысячелетия некоторые посткейнсианцы применили гипотезу финансовой хрупкости для анализа финансовых проблем государств Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки и стран с переходной экономикой. Было показано, что многие кризисные процессы, происходившие в этих странах и регионах, связаны с повышением степени финансовой хрупкости. Эта гипотеза применялась также и для объяснения истоков мирового финансового кризиса конца 2000-х годов. В частности, отмечалось, что очень важную роль в разворачивании этого кризиса сыграли такие феномены, связанные с повышением степени финансовой хрупкости, как секьюритизация долгов и применение кредитно-дефолтных свопов.

Посткейнсианская концепция инфляции, обусловленной конфликтами, в кредитно-денежной экономике

С некоторыми из только что проанализированных процессов, по мнению посткейнсианцев, связано такое проявление макроэкономической нестабильности, как инфляция. Представители посткейнсианства склонны отвергать монетаристский тезис о том, что инфляция определяется темпом роста экзогенно заданной центральным банком денежной массы. С их точки зрения, она глубоко укоренена в структуре и институтах рыночной экономики. Точнее говоря, инфляция связана с несовершенством рыночных структур и проанализированной ранее эндогенно-

стью денежной массы. Интересно, что оба эти феномена связаны с особой ролью описанных выше выбора активов длительного пользования в общем и осуществления инвестиций в частности. Дело в том, что покупка элементов основного капитала как конкретная реализация выбора активов длительного пользования в условиях капитализма зачастую тесно связана с борьбой фирм за сферы влияния. Подобная борьба, ведущаяся через осуществление крупномасштабных инвестиций, приводит к гибели менее удачливых компаний и укреплению позиций их более удачливых конкурентов. В результате последние повышают степень своей рыночной власти [market power], проявляющейся, прежде всего, в контроле над ценами⁵². При этом, как отмечалось выше, перманентное увеличение потребности в финансировании таких инвестиций создает предпосылки для эндогенизации денежной массы⁵³.

Конкретный механизм разворачивания инфляционных процессов порождается борьбой разных групп хозяйствующих субъектов за свои доли в национальном доходе в вышеописанных условиях несовершенства конкуренции и эндогенных денег. Таким образом, посткейнсианский подход к анализу инфляции воплощается в теории

⁵² Из этих рассуждений посткейнсианцы приходят к выводу о том, что само установление цен может быть тесно связано с финансированием инвестиций. Но, как уже отмечалось, посткейнсианская концепция ценообразования находится за пределами проблематики данной статьи.

⁵³ Можно также добавить, что на более «фундаментальном» уровне описанные процессы повышения степени несовершенства рыночных структур и эндогенизации денежной массы связаны со стремлением, соответственно, фирм и банков еще больше снизить неопределенность, с которой они сталкиваются. Благодаря получению контроля над ценами фирмы снижают неопределенность ценовых колебаний. Благодаря получению контроля над процессом создания кредитных денег банки снижают неопределенность, касающуюся возможностей выдачи кредитов.

⁵¹ Wray, L.R. The Rise and Fall of Money Manager Capitalism: A Minskian Approach / L.R. Wray // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33, № 4. – P. 812.

инфляции, обусловленной конфликтами⁵⁴. Рабочие пытаются поднять ставки заработной платы, а их наниматели – повысить цены. В силу наличия контроля фирм над ценами и эндогенности денежной массы эти процессы становятся возможными без банкротств промышленных компаний и увольнений работников. Результатом оказывается перманентная инфляция.

При этом такая инфляция может сопровождаться как подъемом деловой активности, так и ее спадом. Данный тезис базируется на специфическом подходе посткейнсианцев к формированию сбережений. Они отвергают идею о том, что функция сбережений выводима из оптимизирующего выбора домохозяйств, и предлагают «классовый» подход. Бережливость экономического агента определяется его принадлежностью к той или иной социальной группе (классу). Лица, принадлежащие к классу, труд которого оплачивается низко, сберегают меньшие доли своих доходов по сравнению с «богачами»⁵⁵.

Отсюда следует, что рабочие сберегают меньше предпринимателей, поэтому перераспределение доходов от предпринимателей к рабочим увеличивает потребление и, следовательно, совокупный спрос. Напротив, когда у рабочих доходы сокращаются, а у предпринимателей увеличиваются, потребление и совокупный спрос сокращаются. Поэтому приобретает важность вопрос о том, какими изменениями в структуре распределения доходов сопровождаются инфляционные процессы.

Если в ходе борьбы за долю в распределении дохода выигрывают рабочие, то

⁵⁴ Palley, T.I. Post Keynesian Economics: Debt, Distribution and the Macroeconomy / T.I. Palley. – London : Macmillan, 1996. – Ch. 11.

⁵⁵ Эта идея восходит к работам М. Калецкого. Позднее его принципам следовали Н. Калдор и другие представители «кембриджской», «неорикардиянской» ветви кейнсианства. В данном аспекте эта ветвь смыкается с посткейнсианством.

потребление и совокупный спрос увеличиваются, а вместе с ними, естественно, и занятость. В результате инфляция сопровождается подъемом деловой активности, и мы имеем дело с «традиционно кейнсианским», отрицательным наклоном кривой Филлипса. Если же в этой борьбе выигрывают фирмы, то потребление и совокупный спрос сокращаются, растет безработица. Возникает необычный феномен кривой Филлипса с положительным наклоном. Наконец, если ни одному из классов не удастся улучшить свое положение, то кривая Филлипса имеет «монетаристский» вид – вертикальной линии. Эти рассуждения побуждают посткейнсианцев сделать вывод о множественности конфигураций кривой Филлипса⁵⁶ и, таким образом, глубже, чем неоклассики, проанализировать инфляционные процессы, а также их связь с динамикой реального производства.

Посткейнсианские рекомендации в области экономической политики

Мы не стали бы утверждать, что в отношении экономической политики взгляды посткейнсианцев сильно отличаются от «общекейнсианских» рекомендаций: они признают значимость проведения дискреционной макроэкономической политики правительства. Иными словами, посткейнсианцы считают, что нестабильность рыночной экономики дает основания для произвола государственных должностных лиц в сфере макроэкономического регулирования. Такая политика не должна подчиняться правилам, и в этом плане очевидно противоречие между кейнсианцами и представителями неоклассической макроэкономической традиции.

Однако и в этой области у посткейнсианской теории есть свои особенности. Во-первых, для нее характерно весьма пози-

⁵⁶ Там же.

тивное отношение к «политике доходов». Рыночные структуры настолько несовершенны, а разные группы экономических агентов настолько агрессивны «сражаются» за свои доли в национальном доходе, что сдерживать инфляционные процессы можно только административными и/или экономическими ограничениями роста цен и заработной платы. Введение таких ограничений не является «насилом» над свободной конкуренцией, поскольку подобной конкуренции давно не существует: современная рыночная экономика, как можно было догадаться из вышеприведенных рассуждений, – это арена борьбы крупных промышленных компаний, банков и профсоюзов. Государственное вмешательство ограничивает проявления их рыночной власти, а не «свободное» ценообразование. Это особенно явно следует из посткейнсианской теории инфляции, показывающей, что борьба с повышением цен посредством ограничительной макроэкономической политики совершенно неэффективна: «денежное» или «фискальное» сжатие бесполезны при раскручивании спирали «цены – заработная плата» в описанных выше условиях несовершенства рыночных структур и эндогенной денежной массы!

Во-вторых, теория деловых циклов на основе гипотезы финансовой хрупкости побуждает посткейнсианцев подчеркивать роль правительства в поддержании финансовых потоков хозяйствующих субъектов на должном уровне. Точнее говоря, с помощью стимулирующей фискальной и денежной политики правительство может косвенным образом вызвать увеличение денежных поступлений у должников, являющихся потенциальными банкротами. Тем самым оно трансформирует «долговую дефляцию» в стагфляцию. По мнению Х.Ф. Мински, вторая из этих проблем гораздо менее серьезна, чем первая, поскольку «долговая дефляция» часто означает глу-

бокий и длительный спад, подобный Великой депрессии 1929 – 1933 гг.

Однако такое решение далеко не идеально, поскольку существует так называемый *парадокс Мински*, связанный с феноменом морального риска⁵⁷. Если фирмы и банки уверены, что правительство будет поддерживать в фазе спада их финансовые потоки посредством стимулирующей макроэкономической политики, то риски заемщика и работодателя будут уменьшаться в фазе роста еще сильнее и структура активов этих агентов в итоге окажется еще более «финансово хрупкой». Подобным образом проблема финансовой хрупкости как бы загоняется вглубь. Радикальное решение проблемы, как считает Х. Ф. Мински, могло бы состоять во введении законодательных ограничений на краткосрочное финансирование долгосрочных инвестиционных проектов, а также в снижении «капиталоемкости» экономики, т. е. во внедрении технологий, использующих больше труда и меньше капитала. Ясно, что такие планы носят в значительной мере утопический характер. Финансовая нестабильность является платой за экономический и технический прогресс в современных развитых обществах.

Значимость посткейнсианского подхода для экономики постсоветской России и гипотеза семейно-кланового капитализма

На наш взгляд, разработки посткейнсианцев играют большую роль в понимании множества проблем современной экономики России. Мы выделим лишь некоторые, наиболее значимые аспекты.

⁵⁷ *Скоробогатов, А.С.* Макроэкономическая роль институтов: от онтологической неопределенности к концепции делового цикла / А.С. Скоробогатов // Эконом. вест. Ростов. гос. ун-та. – 2005. – Т. 3, № 2. – С. 83–95.

Во-первых, *коллапс инвестиций* является едва ли не абсолютным злом, которого по возможности не следует допускать. Эта проблема гораздо серьезнее, чем бюджетный дефицит, искаженная структура относительных цен и т. д. Длительное и устойчивое сокращение инвестиций приводит не только к глубочайшему экономическому спаду, но и к сужению производственных возможностей вкпе с технологической деградацией⁵⁸.

Во-вторых, *структура* средств обращения имеет важное макроэкономическое значение⁵⁹. Существует положительная корреляция между уровнем экономического развития и указанной структурой. Большая доля агрегата М3 (или М4), не входящая в М2 (или М3), может свидетельствовать о высокой степени экономического развития, большая доля М0 в М2 – о низком его уровне. При этом процессы длительного роста (спада) и прогрессивных изменений (деградации) в структуре средств обращения взаимодействуют друг с другом.

В-третьих, и это самое главное, *при трансформации экономической системы важно не допускать очень высокой степени неопределенности будущего*. Слишком большая неопределенность, вызванная, скажем, слишком быстрым разрушением «устаревших» институтов или институциональной неадекватностью государства, негативно сказывается на деловой активности, причем это влияние может сохраняться в течение очень длительных промежутков времени. Дело не только в том, что неопределенность лежит в основе тех происходивших в переходных экономиках процессов, которые в 1990-е

⁵⁸ Белкин, В.Д., Стороженко, В. П. Российский синдром голландской болезни и лекарства для ее излечения / В.Д. Белкин, В. П. Стороженко // Эконом. наука современной России. – 2007. – № 3 (38). – С. 75.

⁵⁹ Ноздрань, Н., Березин, И. Денежные агрегаты: теория и практика / Н. Ноздрань, И. Березин // Вопр. экономики. – 1993. – № 6. – С. 31–39.

годы были названы Я. Корнаи «трансформационным спадом» и «ловушкой равновесия на низком уровне»⁶⁰.

Как подчеркивалось выше, в целом посткейнсианцев интересует то, как люди «справляются с неопределенностью» в сложных экономических системах. Создание денежной экономики через формирование системы форвардных контрактов и других сопутствующих институтов, – не единственный способ снижения неопределенности. В качестве других примеров можно привести такие экономические системы, как «плановый социализм» (советского типа), «рыночный социализм» (югославского типа), «плановый капитализм» (немецко-фашистского типа). Та разновидность системной трансформации, которая происходила в России в начале ее постсоветского периода, привела к созданию особой разновидности сложной экономической системы – *семейно-кланового капитализма*. Аналоги этой системы встречались, по всей видимости, в начале XX века в некоторых регионах Южной Европы, а в настоящее время могут наблюдаться, вероятно, в некоторых государствах Латинской Америки и некоторых других странах бывшего «социалистического блока», помимо России. Семейно-клановый капитализм характеризуется тем обстоятельством, что при институциональной неадекватности государства принуждение к выполнению договоров между хозяйствующими субъектами осуществляется различными семейными, олигархическими, криминальными или чиновничьими кланами. В результате этого неопределенность снижается недостаточно эффективно. Иными словами, важнейшее отличие семейно-кланового капитализма от «нормального», рыночного капитализма (т. е. денежной экономики)

⁶⁰ Корнаи, Я. Трансформационный спад / Я. Корнаи // Вопр. экономики. – 1994. – № 3. – С. 4–16.

заключается в завышенной неопределенности, присутствующей в первой из этих систем.

Применение посткейнсианского подхода указывает на то, что из-за слишком большой неопределенности экономическая система семейно-кланового капитализма сталкивается с рядом серьезнейших макроэкономических, технологических, социальных и институциональных проблем. В такой системе *контракты заключаются не на основе соображений экономической эффективности, а на основе принадлежности контрагентов к тому или иному клану*⁶¹. Происходит «разделение на чужих и своих», утрачиваются взаимное доверие среди хозяйствующих субъектов и их уверенность в будущем, экономика фрагментируется, а ее теневой сектор становится очень значимым. Основные результаты всего этого – низкая инвестиционная и инновационная активность, слабая конкуренция и, как следствие, склонность к инфляции издержек, низкая эффективность макроэкономической политики (в частности, ввиду большого теневого сектора), очень широкое распространение взяточничества и вымогательства⁶².

Если бы указанные аспекты учитывались при реформировании российской экономики в 1990-е годы, возможно, удалось бы избежать имевшего место чрезвычайно продолжительного и глубокого трансформационного спада, связанных с ним экономических и социальных потерь, а главное – формирования неэффективной в плане снижения неопределенности экономической системы.

⁶¹ Розмайнский, И.В. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход / И.В. Розмайнский // *Вопр. экономики*. – 2009. – № 6. – С. 57.

⁶² Там же. С. 58.

Литература

Белкин, В.Д. Российский синдром голландской болезни и лекарства для ее излечения / В.Д. Белкин, В.П. Стороженко // *Эконом. наука современной России*. – 2007. – № 3 (38). – С. 75–85.

Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Кейнс Дж. М. – М.: Прогресс, 1978.

Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости / Кейнс Дж. М. // *Истоки*. – 1998. – Вып. 3. – С. 280–292.

Корнаи, Я. Трансформационный спад / Я. Корнаи // *Вопр. экономики*. – 1994. – № 3. – С. 4–16.

Малкина, М.Ю. Основы институционального подхода к анализу роли государства / М. Ю. Малкина, И.В. Розмайнский // *Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)* / под ред. Р. М. Нуреева. – М.: МОНФ, 2001. – С. 554–577.

Ноздрин, Н. Денежные агрегаты: теория и практика / Н. Ноздрин, И. Березин // *Вопр. экономики*. – 1993. – № 6. – С. 31–39.

Розмайнский, И.В. «Посткейнсианская модель человека» и хозяйственное поведение россиян в 1990-е годы / И.В. Розмайнский // *Эконом. вест. Рост. гос. ун-та*. – 2005. – Т. 3, № 1. – С. 62–73.

Розмайнский, И.В. Соотношение между денежной и бартерной экономикой: институционалисты и посткейнсианцы против неоклассиков / И.В. Розмайнский // *Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)* / под ред. Р.М. Нуреева. – М.: МОНФ, 2001. – С. 427–446.

Розмайнский, И.В. Посткейнсианство + традиционный институционализм = целостная реалистичная экономическая теория XXI века / И.В. Розмайнский // *Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)* / под ред. Р.М. Нуреева. – М.: МОНФ, 2001. – С. 28–35.

Розмайнский, И.В. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход / И.В. Розмайнский // *Вопр. экономики*. – 2009. – № 6. – С. 48–59.

Скоробогатов, А.С. Макроэкономическая роль институтов: от онтологической неопределенно-

сти к концепции делового цикла / А.С. Скоробогатов // Эконом. вест. Рост. гос. ун-та. – 2005. – Т. 3 (№ 2). – С. 83–95.

Скоробогатов, А.С. Институты как фактор порядка и как источник хаоса: институционально-посткейнсианский анализ / А.С. Скоробогатов // Вопр. экономики. – 2006. – № 8. – С. 102–118.

Фишер, И. Покупательная сила денег / И. Фишер. – М., 1926.

Arestis, P. Post-Keynesian Economics: Towards Coherence / P. Arestis // Cambridge Journal of Economics. – 1996. – Vol. 20, № 1. – P. 111–135.

Bezemer, D. J. Post-Socialist Financial Fragility: the Case of Albania / D. J. Bezemer // Cambridge Journal of Economics. – 2001. – Vol. 25, № 1. – P. 1–23.

Carvalho, F.J. C. Mr. Keynes and Post Keynesians. Principles of Macroeconomics for a Monetary Production Economy / F.J. C. Carvalho. – Aldershot : Edward Elgar, 1992.

Cruz, M. Expectations, the Business Cycle and the Mexican Peso Crisis / M. Cruz, E. Amann, B. Walters // Cambridge Journal of Economics. – 2006. – Vol. 30, № 5. – P. 701–722.

Davidson, P. Money and the Real World / P. Davidson. – London : Macmillan, 1972.

Davidson, P. Reality and Economic Theory / P. Davidson // Journal of Post Keynesian Economics. – 1996. – Vol. 18, № 4. – P. 479–508.

Dequech, D. Asset Choice, Liquidity Preference and Rationality under Uncertainty / D. Dequech // Journal of Economic Issues. – 2000. – Vol. 34, № 1. – P. 159–176.

Dequech, D. Fundamental Uncertainty and Ambiguity / D. Dequech // Eastern Economic Journal. – 2000. – Vol. 26, № 1. – P. 41–60.

Friedman, M. Capitalism and Freedom / M. Friedman. – Chicago : Chicago University Press, 1962.

Keynes, J.M. A Treatise on Money / J. M. Keynes. – London : Macmillan, 1930.

Keynes, J. M. Alternative Theories of the Rate of Interest / J.M. Keynes // Economic Journal. – 1937. – Vol. 46, June. – P. 241–252.

Keynes, J.M. The “Ex-Ante” Theory of the Rate of Interest / J.M. Keynes // Economic Journal. – 1937. – Vol. 46, Dec. – P. 663–669.

Keynes, J.M. The Process of Capital Formation / J.M. Keynes // Economic Journal. – 1939. – Vol. 49, Sept. – P. 569–574.

Keynes, J.M. A Monetary Theory of Production / J.M. Keynes // The Collected Writings of John Maynard Keynes / Ed. by D. Moggridge. – London: Macmillan, 1973. – Vol. XIII. – P. 408–411.

Knight, F.H. Risk, Uncertainty and Profit / F.H. Knight. – Chicago : Chicago University Press, 1985.

Kregel, J.A. Markets and Institutions as Features of a Capitalistic Production Process / J.A. Kregel // Journal of Post Keynesian Economics. – 1980. – Vol. 3, № 1. – P. 32–48.

Minsky, H.P. Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and An Alternative to «Standard» Theory / H.P. Minsky // Nebraska Journal of Economics and Business. – 1977. – Vol. 16. – P. 5–16.

Minsky, H.P. Stabilizing an Unstable Economy / H.P. Minsky. – New Haven : Yale University Press, 1986.

Palley, T.I. Post Keynesian Economics / T.I. Palley // Debt, Distribution and the Macroeconomy. – London : Macmillan, 1996.

Robertson, D. Money / D. Robertson. – London: Macmillan, 1922.

Rogers, C. Money, Interest and Capital. A Study in the Foundations of Monetary Theory / C. Rogers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Rousseas, S. Post Keynesian Monetary Economics / S. Rousseas. – 3rd Edition. – London : Macmillan, 1998.

Shackle, G.L. S. Expectations and Employment / G.L. S. Shackle // Economic Journal. – 1939. – Vol. 49, Sept. – P. 442–452.

Whalen, C. J. The U. S. Credit Crunch of 2007. A Minsky Moment / C. J. Whalen // The Levy Economics Institute. – New York: The Levy Economics Institute, 2007. – № 92.

Wray, L.R. Review of Post Keynesian Monetary Theory by Paul Davidson (Edward Elgar, 1994) / L.R. Wray // Review of Political Economy. – 1995. – Vol. 7, № 4. – P. 470–477.

Wray, L.R. The Rise and Fall of Money Manager Capitalism: A Minskian Approach / L.R. Wray // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33, № 4. – P. 807–828.